Ольга Федунина — родилась и живет в Москве. Кандидат филологических наук, автор работ о литературных снах и жанрах криминальной литературы, редактор, сотрудник Российского государственного гуманитарного университета. Подборки стихов публиковались в сетевых изданиях: в журнале Союза писателей Москвы «Кольцо А» и литературно-художественном журнале «Гостиная». Основной творческий принцип — поиск взаимосвязи между звуковой формой и содержанием. Тематический стержень стихов — отношения между Я и Другим, (не)возможность преодоления границ между ними.

Ольга Федунина

Десятый сон и другие стихи

Ольга Федунина

Десятый сон
и другие стихи

Издательский Дом «Ажур»
Екатеринбург
2018

УДК 82-1
ББК 84-5
Ф32

Ф32 **Федунина, О.**
Десятый сон и другие стихи / Ольга Федунина. — Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур», 2018. — 100 с. : ил.

ISBN 978-5-91256-394-2

В сборник стихотворений московского филолога, сотрудника Российского государственного гуманитарного университета Ольги Федуниной вошли произведения 1990—2000-х годов, тематический стержень которых — отношения между Я и Другим, (не)возможность преодоления границ между Я и миром. Подборки стихов публиковались в сетевых изданиях — журнале Союза писателей Москвы «Кольцо А» и литературно-художественном журнале «Гостиная».

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 82-1
ББК 84-5

© О. В. Федунина, текст, составление, 2018
© О. А. Гримова, предисловие, 2018
© У. А. Константинова, иллюстрации, 2018
© В. И. Сайфутдинова, макет, 2018

ISBN 978-5-91256-394-2

Предисловие

Фрейд говорит, что каждый — пленник снов...
А Фрейд не врет?
И. Бродский. Горбунов и Горчаков

Если бы вопрос Горчакова был обращен к автору этого сборника, ответ, вероятно, был бы — не врет. Ольга Федунина, филолог, не случайно посвятила диссертацию онейропоэтике. В ее стихотворениях сон — наряду с другими внеположными «реальности» измерениями (смерть как инобытие, виртуальность) — основное пространство разворачивания лирического сюжета, а также феномен, обладающий огромным когнитивным потенциалом. Как во «Сне смешного человека»: чтобы прозреть, нужно уснуть.

То, что ставит в тупик психоаналитиков, поэтически отрефлектировано и каталогизировано: сны бывают «беспричинные», «досмотренные до звонка», «глупые» и даже «мертвые»; они могут, вспомнив Павича, перетекать один в другой; во сне можно увидеть «выдуманное» и даже собственную «бессонницу».

С читателем говорят из иного, непривычного — с измененной гравитацией — топоса, а потому объектом поэтической проблематизации неизменно становится граница, разделяющая «тот», сновидческий, и «этот», действительный, миры. Почти любой предмет способен

обернуться преградой («Штора на окне / От возвращения любви не защитила / И вот — сегодня ты приснился мне»); все происходит как будто в предощущении пересечения некоего рубежа, изображенный мир — «предвечерний», «предмартовский», «предлюбовный», увиденный при помощи сновидческой оптики — сквозь «испарину», изморозь, морось, снег, пыль, дождь. Сквозь «Октябрьскую-кольцевую» просвечивают «Чивито-Веккья», или «Йокогама», или «Канзас», становящиеся сущностными синонимами и обозначающие, вероятно, то, что названо у Гейне «Индией духовной». Преодоление границы — насущная потребность этой поэтической системы, а потому столь частотны и изощренны здесь метаболы, выступающие не столько в роли риторических фигур, сколько ментальных паттернов: трансгрессия должна происходить, два мира должны взаимоперетекать, не теряя при этой своей автономности. Так, в стихотворении «Натюрморт» томатный сок оборачивается «пересоленной кровью», которой «обливается» «неразумное сердце».

Еще сложнее со временем. Причем как со временем, которое представляют читателю, так и со временем самой репрезентации. С одной стороны, «минута и звук» воспринимаются лирическим сознанием как «остроконечные», с другой стороны, оно, ощущая себя «на горизонте века или дня», стирает кажущиеся значимыми в привычной реальности демаркационные линии. Не менее семантически значима хронологическая упорядоченность стихов. Точнее, ее отсутствие. Очевидно, сверхтекстовое единство сборника определяется не временным фактором, а структурно — способностью того или иного стихотворения участвовать в развитии значимого для книги лирического сюжета. Поэтому, например, за стихотворением, датируемым 2014 годом, может следовать стихотворение, написанное десятью годами раньше («Горстка горя стала горькой горкой» — «Полет»).

Формально этот сюжет мог бы быть определен как любовный. Есть некие «сквозные» «она» — «неизвестная с облаком / гостья из прошлого / рыбная косточка / антикварная ваза» — и гораздо менее определенный «он», переживающие весь спектр подразумеваемых семантикой магистрального сюжета состояний: от зарождения чувства («Ангел») до кризиса («Ссора», «Ты говоришь...») и крушения («Мой домик из картона и фольги...», «Как глупо было бы искать...»). Изображаемая конфигурация ассиметрична: очень мало гармонии, велика концентрация образов, изображающих муку, причем часто не как вспышку-реакцию на некое травматическое событие, а как континуум — то, что бывает, когда болевой порог уже преодолен: «Беспричинные слезы. Попробуй найти предлог, / Нитки следствий стяни и снова позволь / Напомнить тебе, как беззвучно скрипит мелок. / Как я, до рассвета перемолчавшая боль».

Есть и еще одна вариация центрального сюжета: и «он», и любовные перипетии предстают вымышленными, разыгранными сознанием лирической героини. Но и в этом случае описываемое чувство так пронзительно осязаемо и «вещественно» («От нашей любви, / Которой не было / На губах твоих / Крошится небо»), что не возникает дилеммы, какая из двух сопоставленных реальностей — «реальнейшая».

Уже по отсутствию излишней ситуативной детализированности понятно, что разворачивающийся в книге любовный сюжет — извод сюжета философского, средствами которого решается один из важнейших для современного человека вопрос: каковы условия, при которых возможен (или невозможен) контакт с Другим и миром в целом?

Ассиметричность характерна и для способа репрезентации образа лирической героини, являющегося тем центром, к которому сходятся все силовые линии книги. Мы сталкиваемся с максимальной явленностью внутреннего при максимальной же редукции внешнего. Читатель практически не увидит «штрихов к портрету» (так, «в полутьме виска» «таится» «втрое скрученный високосный год»), однако ландшафт метального и эмоционального миров представлен с картографической точностью. Поэт равнодушен к «новой социальности», «я» не изображается в соотнесенности с «мы». Кажется, единственный во всей книге — и казусный — случай, когда

«коллектив» входит в сферу сознания протагониста, встречаем в стихотворении «Ссора»: «Вопрос непраздный “кто из нас неправ?” / Оставим для соседей-идиотов».

Перед нами очень умозрительная поэзия, требующая как от творца, так и от реципиента скорее интеллектуального усилия, чем непосредственности, работающая скорее с абстрактным, чем с визуально-конкретным — в целом, поэзия, которую возможно рассматривать в контексте метареалистической традиции, и шире — неомодернистских тенденций в современной литературе.

Вероятно, именно ощущение умозрительности, «отрыва от земли» уравновешивается стремлением несколько «субстантивировать», придать более определенные очертания тому, что в принципе неуловимо, — «беспамятью», «послеточью», «межминутью». Сходный генезис у одной из самых востребованных в сборнике тропеических моделей: предельно абстрактное метафорически соотнесено с предельно конкретным, осязаемым (как в упомянутом «Нитки следствий стяни...»; «тело памяти»). Создается ощущение, что перед нами не столько фигура речи, сколько требующее буквального — как в мифе — понимания овеществление невещественного. Потому что, если «под пяткой» все время «облака», это не только привилегия, обреченность, но и испытание.

У того, кто вычитает себя из предметного мира, непросто складываются отношения

с вещами. Они появляются в стихах преимущественно для того, чтобы обозначить физическое неприсутствие лирической героини — еще секунду назад она была здесь: вот «крошки недоеденного полдника», вот «сонник», «заложенный» «половинкой “стольника”», вот «стакан недопитого чаю», но уже нет. Ее уход не всегда предполагается лирическим сюжетом, просто репрезентация собственного телесного присутствия в мире ощущается как табуированная. Чаще возникают образы-субституты: «тень», «отпечаток» / «печать», «очертанья», «след». Или так: «Я — воздух встречи, выгнутый дугой / В конвульсиях изгоя-снегопада». Да, вещи еще маркируют «ее» зону в доме: это подоконник — рукой подать до границы.

И, конечно, дом. Он всегда разрушающийся / разрушаемый и игрушечный («пряничный», картонный). Причем кажется, что его «ненастоящесть» не только фигуративное выражение идеи невозможности «уйти в красивые уюты», но и маркер тотальной уязвимости «неопознанной жертвы / вопросов, вопросов, вопросов».

Представленный поэтический мир очень требователен к тому, кто решил в него войти. О том, что перед нами стихи, написанные замечательным филологом, свидетельствует очень многое: и их богатейшая «упоминательная клавиатура» (Фаулз, Мюллер, По, Гессе, Баратынский — всех не перечислить), и изящные метрические решения (особенно тонические), нестандартная, какая-то продуктивно разбалансированная строфика («Мой домик из картона и фольги») и изобретательная рифмовка. Тексты сложно и тонко оркестрованы («Помпеянкой в пеплуме из пепла…»), экспериментальны морфологически (цикл «Без»), словообразовательны («дикобразообразное утро», «маятник наших “данеток” скользит»), их отличает интонационная и стилистическая свобода. Интересна работа автора со сферой значений поэтической лексики: слова начинают казаться семантическими и даже (псевдо)этимологическими «родственниками», будучи фонетически и синтагматически сближенными: «Но еще таится в полутьме виска / Втрое скрученный високосный год»; «Поймаешь бусину, а в ней бузинный сок / Бузит и бродит бреднями подростка».

Но даже тому, кто разгадал хотя бы часть авторских языковых головоломок, не очень легко дается присоединение к открывающемуся миру: существовать, постоянно держа в поле зрения границу, — искусство для немногих. У овладевшего им есть шанс о своей «родной» реальности понять нечто, ускользающее от восприятия того, кому недоступен переход. К примеру, то, что Аид, даже превратившись в знак, при помощи которого можно обозначить электронный почтовый ящик («From Persephone <hades@gmail.com> to Orpheus <orpheus@yandex.ru>, 7.09.2017, 12:08»), все равно остается местом, откуда необходимо увести Эвридику.

Ольга Гримова

Десятый сон

* * *

Из снега вырезанный след
Ногой стараюсь перекрыть я:
От вновь изобретенных бед
Любовь осталась без прикрытья.

И сон о выдуманном дне
Тебя вернул, моя загадка,
Издалека, из бездн, извне
Неизреченным отпечатком.

Но очертанья невпопад
Дождем предмартовским размыты,
Презрев последний снегопад,
Он обнажает крыши, плиты...

И остается мне, следы
Запутав, сторожить бессменно
Сердцебиение воды
О кожу дремлющей Вселенной.

* * *

Я низвергаюсь в предлюбовный сон.
Он, как щека ресницами, размечен
Биеньем звуков, вспышками имен
И приговором к неизменной встрече.

Но в страхе просыпаюсь, наугад
Сломав недоговоренное слово,
И потерявший окончанье март
От губ сухих отскакивает снова.

Не оттого ли так понятно мне,
Равно как и моей бесстыдной тени:
За восхожденьем взгляда по стене —
Побег от снов, побег от вожделений?..

* * *

Ты мне приснился. Странная ошибка!
Ты перепутал. Больше не люблю
Я рук твоих, и гордая улыбка —
Ответ мой на догадливость твою.

Ты мне приснился. Недоразуменье:
Я слов своих припомнить не могу.
Скажу тебе — любовным онеменьем
Зову свою минувшую беду.

Ты мне приснился. Разве я просила
Тебя об этом? Штора на окне
От возвращения любви не защитила,
И вот — сегодня ты приснился мне.

Ангел

Не часто Ангел, растопырив крылья
И место отыскав для каждого пера,
Слетает к людям и священной пылью
Скрепляет распыленные сердца.

Но нынче, в день от разрушенья мира
Одиннадцатый, он меж нами был
И посреди блаженного раскрыла
Тебя из ожиданья сотворил.

А я, оставшись вовсе бессловесной
В божественной и пыльной тишине,
Дала ответ, тебе давно известный,
Простой и непонятный только мне.

16 апреля 1997

* * *

Мой домик из картона и фольги
Разрушен нынче весь,
До основанья.
Клади в карманы память и беги.
Все, что осталось, — пол-воспоминанья
На полчаса далекого пути.

Ты, видно, не заметил в темноте
Щиты моей бумажной черепицы
И наступил ногой на них. А те
Поторопились с треском провалиться.

Как это мило —
Вдруг лишить меня
Квартиры,
Штор из фантика
И пыли.
Я пыль люблю.
И не люблю огня,
Который невзначай задуть забыли
В бумажном доме
На изломе дня.

* * *

Как глупо было бы искать
В лице таком обыкновенном
Спокойной мудрости печать,
Пришедшую любви на смену.

Смешно — не правда ли — впотьмах
Спешить на поиски Вселенной
В твоих насмешливых глазах.
Пришедшая любви на смену,

Она затеряна была
(А кем — неважно совершенно)
Среди разбитого стекла,
Пришедшего любви на смену.

И знаешь, вовсе ни к чему
Искать спасительную тему,
Что разрушает тишину,
Пришедшую любви на смену.

Слов со значеньем ожидать
Нельзя, как прежде, неизменно;
Не стоит, право, их считать
Пришедшими любви на смену.

БЕЗ

1

Безденежье,
Бесславье
И безделье
Привычны мне, как беспробудный сон,
В котором вижу я
Себя в твоих ладонях,
Разомкнутых, поскольку нет меня...
Безмерность
Безнадежности
Безумна.
Ты не поймешь, когда исчезла я,
Посмела как меж пальцев просочиться.
А может, от самих себя устав,
Мы попросту придумали друг друга
И учимся беспомощно любить
Свое беспамятье
О бесконечной
Бездне,
Прикрытой только будничным лицом?..

2

P. S.

Запутываюсь в складках бытия
И вырываюсь, как могу, из лиц
Других людей. Улыбку не тая,
Они добры, но каждый тянет вниз.
И каждый отрывает от небес
Моих следов невызревшую гроздь,
Не зная, что слова с приставкой без —
Из облаков торчащий ржавый гвоздь.

* * *

Нет, не старайся по-пустому:
Как ни тяни посулов нить,
Но от клубка (сиречь от дома)
Я все же буду уходить.

И не проси, как прежде, робко
В корзинке кошкою залечь.
Тесна любовная коробка,
Не для моих костлявых плеч.

Но мне положено по роли
Быть мягче пыли на шкафах!
Всю жизнь влюбленной Сандрильоне
Плясать в стеклянных башмаках...

Ангел (2)

Я веки прикрываю, словно дверцы
В обитель мертвых снов, где только ты,
Но иглы слов вонзаются под сердце
Предчувствием таящейся беды.

Зеркальный щит, одолженный на время
У прошлого, у отошедших лет,
Не выдержит уколов подозрений
В поверхность, отражающую свет.

Я беззащитна. Вот и я узнала,
Что ангельские крылья больно бьют,
Освобождая нас от покрывала
Иллюзий, обеспечивших уют.

Мой Ангел, под сырым февральским
небом
Не утаи же правды, щедрым будь:
Скажи мне, что и ты безгрешным не был,
И, крылья сняв, в земной пускайся путь.

21 февраля 2001

Ссора

Ты рассечен решеткою теней,
Прорезанной в стене, так несомненно,
Как, разбухая кровью, все сильней
На гневном лбу из кожистого плена
Стремится жила вырваться вовне.
Но властно утопив ее в морщине,
Ты больше ничего не скажешь мне:
В ковер уйдут шаги, в молчанье — имя.
К утру же мы, бездарно заплутав
Средь книжных и оконных переплетов,
Вопрос непраздный «кто из нас не прав?»
Оставим для соседей-идиотов.

* * *

Я — только тень твоей любви к другой,
Печать туфли с твоим ботинком рядом.
Я — воздух встречи, выгнутый дугой
В конвульсиях изгоя-снегопада.
Распутывать в придуманной судьбе
Следы чужие — сущая морока.
Я — только тень моей любви к тебе,
Возмездие за юность после срока.

Осень

Заманчив после лета листопад
В подол измятой ветром занавески:
Вот ляжет лист, как будто наугад,
Но с явной целью, вовсе не по-детски,

И на лету прилипнет вдруг к щеке,
На миг один живою станет кожей...
Но далеко до этого. В венке
Деревья убегают от прохожих.

Кто верит в сотворенье, тот простит
В осенних листьях проблеск своеволья.
Рябина жжет, но вечно зелен лист,
Хоть вырезан засушливой любовью.

Кто знает...

Кто знает,
Что думает снег, превратившийся в талую воду,
Что думает ветер, меняя зачем-то погоду,

Пылинка, осевшая на середине стола,
Стакан недопитого чая, тупая игла?

А рядом окно задает себе вечный вопрос:
Зачем прилипает ко мне непонятливый нос?

Кто знает...

Автору

Стаи «Новых миров»,
Стаи старых смертей...
Через строчки — галопом,
Через номер — не смей!
Белых ниток
Не много ль
На столь малую ложь?

Не сюжет — гоголь-моголь.
С пол-пинка разберешь,
Что вон тот будет гнаться
За этой по свету,
Если свет не погасят,
А того просто нету...

И так хочется знать,
Что не будет конца
Этим смирным теням
Без имен, без лица,
И руками ломать
С перепева свирель,
Не оставив ей права
На финальную трель,
И тебе запретить
Уморить с перепоя
Персонажа, погибшего
Смертью героя.

* * *

Вот на ладони капелька любви.
Смотри: она меж судьбоносных линий
Качается. Губами оторви
Ее от кожи и придумай имя.
Нет, подожди. Ведь это просто снег,
Растопленный моим теплом тревожным.
А ты поверил в то, что через век
Останется простым, но невозможным...

31 декабря 2001

Сон (1)

Бумага рвется. Клочками становятся
Слова любви, недоказанной и недосказанной.
Бессрочный сон. Не кошмар — по глубинной сути.
Но жутко тягуч в бесконечной бессмыслице.

Бумага рвется. Пополам — «милая».
За неизвестный проступок четвертуется имя.
Восклицательный знак становится точкой,
Завершая несуществующее предложение.

* * *

Послушай, под моим окном фонарь —
Пизанец местный, весь кривой по сути —
Лучом прямым бьет по эмали глаз
Моих (черт побери!) и днем, и ночью.

Ты ж ни словечка сгорбленного мне
Не бросил наугад, хоть прям невыносимо.
Да, ничего за весь мой долгий век,
Придуманный когда-то в сновиденьях.

13 августа 2002

* * *

Пронизана — аж до крушенья плеч —
Настойчивой оконной вертикалью,
Я небо сторожу. Но тянет лечь
И не качать, как маятник, сандалию.
Истомчив вечер. Истончился он,
Блуждая бликами по потолку и стенам.
От желтой вазы скользкий желтый сон
Крадется, придавая вкус изменам.
Невозвращенье в сто-какой-то день.
Без объяснений. Просто бродишь где-то.
Я превращаюсь в сломанную тень,
Забыв, как изменяются предметы.

* * *

Десятый сон я проспала,
Просыпала через ресницы.
Тесьмой по снегу пролегла
Следов вороньих вереница.

За крошку хлеба под окном
Два серых голубя клюются,
А кошка плачет о своем:
Что пустота в бездонном блюдце.

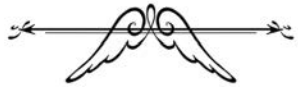
Про тебя

Снова и снова подходишь к окну,
Вездесущий, как искушение смертью.
Играешь яблоком. Неправильный шар —
Жемчужина, скрытая в створках ладоней.
В каждый неплотно запертый миг
Проникаешь, придуманный мною в бессоннице.
Несуществующий, стало быть. Но
Не менее вечный, чем жесткое яблоко.

* * *

От путаницы вен
На моей руке
Происходит крен
Замка на песке.

От нашей любви,
Которой не было,
На губах твоих
Крошится небо...



Прогулка

Фариде Исраповой

Постигаешь цвет ветки —
Как будто миндалины неба.
Поднимаешь лицо
Со следами придуманной муки
Или просто нестертой муки
(В виде пудры).
И, покуда острятся твои каблуки,
Объявляя войну
Пережившему кризис
Семейству чулковых,
Ты мечтаешь о том,
Чтобы залпом глотать
Мандариновый сок.
Твой висок
Порыжел, отражая
Оранжевый свет
(Или просто был выкрашен хною).
И мертвая хвоя
Заполняет опять
Лодки солнцем
Нагретых следов.

28 января 2005

Натюрморт

Тарелка на подоконнике. Томатный сок.
Кусочек хлеба. Рядом — кусочек неба.
Стекло или ветер холодит висок?
Стены — как щеки, справа и слева.

Из них не вырваться. Прочен круг
Порочных бессонниц, покоем чреватых.
Неразумное сердце обливается вдруг
Пересоленной кровью из вен томата…

4 июня 2005, ночь

* * *

Беспричинные слезы. Попробуй найти предлог,
Нитки следствий стяни и снова позволь
Напомнить тебе, как беззвучно скрипит мелок.
Как я, до рассвета перемолчавшая боль.

При прямом попадании света в мишень зрачка
Звуки излишни. Жара все не входит в роль.
Поднимаюсь на цыпочки, чтобы смотреть свысока
На себя — молодую — под шепот опальный:
«Позволь…».

23 июля 2005

* * *

Вторник. Чивита-Веккья. Октябрьская-кольцевая.
Ломок старый пергамент постительянских хроник.
В келье сестры Схоластики, не напирая на сваи,
Врос на века в подоконник Бейля зеленый томик.
Кристаллизация чувства в душной колбе вагона.
И на пороге кафе, бездумно меняя имя,
Ищешь в дыму «Gaulloise» глаза итальянского клоуна.
О нем ли на Крымском мосту плачет опять Ванини

Во вторник, в Чивита-Веккье?..

26–28 сентября 2005

Ангел (3, Пасхальное)

У Ангела сегодня выходной,
И, обескрылев,
Он слушает, как мается трава
Весенним ростом.
Преодоление земли, зимы,
Безмолвных
Размолвок человеческих навек —
Вот скорбный путь
Травинками рожденных.
Но знает Ангел,
Что они восстанут,
Камнями сжатые,
Как судорогой плача,
Меж плиток тротуара,
На скрещенье
Конца субботы
С воскресеньем новым.

* * *

Дикобразообразное утро.
Отточия веток.
То ли поздний рассвет,
То ли сумерки зимнего дня.
В горле белый мускат
Или это испарина снега,
Что теплом оплетен,
Как бутыль для вина?
Снегопад.
Очередность смертей,
Легкостишия тихого снега.
Под ознобным окном
Голубиные тают следы.
Послелетия альфа,
Предзимья ли это омега?
Или я вспоминаю
Повадки уснувшей травы?..

Декабрь 2005 — *январь* 2006

Ты забываешь

Ты забываешь, что время прилипает к песку
И на моей прямой больше нет бесконечностей,
Что говорить приходится наперебой с дождем,
А слушать — наперекор своему одиночеству.
Ты забываешь, что все это — больше не я,
Что я потерялась в неуязвимых бессонницах.
Юго-западный ветер да запахи знойных трав
Остаются от тела в осторожном беспамятье.

30 июня 2007

Зарисовка

Вишневой косточкой горчит на языке,
Томится день, избавленный так рано
От кожуры забот. По перепутьям
Горбатой крыши истекает зной.
Слепая кошка чуткостью усов
Лишает воробья надежды на свободу,
И я смотрю на разноцветный город
Из предвечернего субботнего окна.

15 июля 2007

Загадка

У нас с тобой глаза невозвращенцев
из края, где безоблачная тайна
без всяких там испорченных коленцев
подстерегает на пороге чайной.

И, не тая ни грусти, ни укора,
по-детски, без затей и без оглядки,
в двух чашках безмятежного фарфора
гнездится безответная загадка.

* * *

Больше нет никакого «ты». Никаких идей
По поводу нас, незаживающих ран
На теле памяти, в память истекших дней,
Безысходно ушедших завтра или вчера.

Больше нет никакого «я». Опять пуста
Оболочка страхов, любви, карусель забот.
Но еще таится в полутьме виска
Втрое скрученный високосный год...

18 июня 2008

Перечитываю «Игру в бисер»

Семь вечера, и я пьяна, как автор,
Которому геройство сходит с рук.
У снов опять не наступает завтра,
Но слышен их янтарный перестук.

Для памяти желанная загвоздка:
Поймаешь бусину, а в ней бузинный сок
Бузит и бродит бреднями подростка.
И дождик по лицу наискосок...

23 июня 2012

* * *

Посиди со мной на подоконнике,
На развале пряничного домика,
Где гнездятся на обложке «Сонника»
Крошки недоеденного полдника.

Глупый сон в обличье горе-дольника,
Но заложен половинкой «стольника».
Как живой до самой малой толики,
Посиди со мной на подоконнике.

8 мая 2014

Из «Неотправленных писем в Йокогаму»

Здравствуйте, друг мой! Можно, письмо
Напишу Вам с грустинкой, как кофе с корицей?
Не отправлю, клянусь. Разве что само…
Обещайте смеяться, но не браниться!

Мысли навылет. Быть может, виной
Слишком теплая московская осень.
Я и себе показалась смешной:
Так неуклюже о счастье мы просим.

Прочерк — и сердцебиение фраз
Крошкой рассыпалось в уличном гаме,
Неразличимой ни здесь и сейчас,
Ни в Вашей неназванной Йокогаме.

15–16 ноября 2010

Полет по заоконью

* * *

...И тогда ты захочешь
Безбедного чудо-конца,
Несвершенья прощаний,
Прощений и преступлений
На болотистой почве измен.
И уже ни лица,
Ни рассудочной нежности
Тела и тени...
Ничего никому.
Но всегда безобидная жуть
Переходов в метро,
Скользких крыш
И незапертых окон,
И желание быть
Не сейчас и не здесь,
Как-нибудь,
И кружение красной воды
У креста водостока.

7 июня 2004

* * *

Меня качаешь, будто маятник
Над обезвоженным колодцем.
Секунды сыплешь, не считая их.
Пригоршня разве наберется?

Покуда стрелки не истаяли,
Поешь мне о медовом вереске,
Уводишь от себя, от края ли...
Но пальцы разожмешь — и вдребезги!

7–8 февраля 2006, ночь

* * *

Трещина на стекле и во мне. В сердцевине сути.
В вечном зерне расколотого межминутья.
Я приближаюсь к опасному рваному краю
Чьей-то души. А своей ли, чужой — я не знаю.

В этом краю, где я снова гоняюсь за тенью
Ложных известий о нашем невоскресенье,
Все перелетные листья сплетаются в стаю
И отмирают с любовью. Твоей ли, моей — я не знаю.

Август — сентябрь 2007

* * *

Вокруг меня только шторы, потолок и стены,
Я причисляюсь к лику комнатных растений.
Но, возродившись в тени подоконного дерева,
Я ухожу неизменно к югу от севера.

Я не люблю вешать платья и слова на гвозди,
В моих руках неудач и сомнений гроздья.
Я стучусь, но от солнца твои веки заперты, —
И ухожу неизменно к востоку от запада.

Февраль — май 2005, сентябрь 2006

* * *

Ставишь будильник на чайное утро пополудни.
Тянешь из сумки помаду без колпачка.
Льешь на локти горячую воду — холодно.
Крутишь пальцем у неправильного виска.
В пересменок смерти стираешь с омлета испарину.
Переводишь на дезэсперанто собачий лай.
Обозреваешь облако, теряющее окраину.
Открываешь окно. Говоришь Канзасу «прощай».

26 декабря 2008

* * *

И с кем под этим жалким кровом
Мне больше ничего не надо...

Вдруг понимаешь, что уже сырой рассвет,
Что все дописано тобой до послеточья,
Что порван нерасстегнутый браслет,
Когда (как тот, другой и Пересвет),
Мы затевали свару этой ночью.

И бой закончился без всяких лишних слов,
Под мутным полусном и одеялом.
Что толку петь про этот «жалкий кров»,
Где больше никаких черновиков
В преддверии последнего скандала?..

13 мая 2009

* * *

Прошу, меня не искушай
Вертушкой потолка,
Развалом стен,
Опорожненьем окон,
Душой навылет,
Пережитком плоти,
Биением дверей
О земноводный воздух
И пирамидами порогов
Непройде́нных —
Прошу, меня не искушай.

Ты

Ты гордишься собой,
Как отпадением тела от тесной одежды.
Ты выходишь на бой,
Но меняешь все «против» на «между».

Ты привыкаешь к петле,
Но ее разрываешь украдкой.
И вот идешь по земле,
Не гнушаясь облаками под пяткой...

22 июля 2007

Окно

Я распечатала окно,
Где вечер истекает ветром,
Где судным днем таится дно
Двора под тополиным фетром.

Да будет пухом вам вина:
Вдыхая запах дня и хлеба,
Полетом с летнего окна
Считать паденье из-под неба.

21 ноября 2009

* * *

Помпеянкой в пеплуме из пепла,
Пестренькой тесемкой по плечу,
Запахом мимозы, как занозой,
Мятным холодом от мутного окна,
Битой картой с кареглазой дамой,
Ниткой, перепутанной в клубок...
Но вернее выскользнуть на волю
Пухом, что отпущен на лету.

5 февраля 2010

Ты говоришь...

Ты говоришь, что со мной говорить —
на лету пересчитывать пули.
Ты говоришь, в наше время любить —
это как бриться вслепую.
Ты говоришь, не скрывая в словах
сумрачный запах сандала.
Ты говоришь: что же это за жизнь,
на острие скандала!

Ты говоришь, нашей грязной землей
снова пропахло небо.
Ты говоришь, будто имя мое —
корка прогорклого хлеба.
Ты говоришь, посыпая газон
пеплом придуманной Этны.
Ты говоришь. И, пока говоришь,
мы, несомненно, бессмертны.

23 августа 2010

Сон (2)

Мне снилась бесплодная осень, бессонница,
Четыре окна, из которых одно,
Как черный корабль, по воздуху тронется
И около пристани канет на дно,

На круглом столе прошлогоднее яблоко,
Почти незаметный оконный пробел
И клетка с душой отлетевшего зяблика:
Решетка — как перья поломанных стрел.

31 марта 2011

* * *

Свернуты трубочкой дни и слова.
Падали на подоконник поврозь,
На промежутке же от Покрова
До междометия — целая гроздь.

Слово-последыш тянуло мысок,
Не замечая забытый пробел.
Ровно, от сердца оторван кусок
Тесной коробки: «Миндаль. Портобел...»

Остроконечны минута и звук.
Слово на ветер — обычный транзит,
И за распадом разомкнутых рук
Маятник наших «да-неток» скользит.

Октябрь — декабрь 2011

* * *

Мне не прощают беспричинных снов,
Небытование в быту обетованном
И к острию изломанных основ
Побег от жесткой желтизны дивана.

К любому рукотворному окну,
Таясь за незапятнанной личиной,
Янтарной мушкой можно ускользнуть —
До первой зазеркальной паутины.

Там погибаешь, затевая зря
Заведомо пропащий поединок,
Где терпишь пораженье от себя
Без веры и спасительных заминок.

23 *марта* 2012

* * *

Змеится занавеска. Звездопад
За ней забыт. Остыл увечный ужин,
И по углам кружится вечный ужас
Перед чаинками вчерашней тишины.

Мои колени — острие теней
Между чужой стеной и брошенной ладонью,
Которая ладьей плывет на запад
От западни желаний и забот.

26 *марта* 2015

* * *

Ты спросишь, как дела. Ну что ж:
Карманный крах, любви избыток
И слишком много белых ниток
На слишком маленькую ложь.

За сотней чинных черепах
Ползу по временно́му кругу.
Не оттого ль бардак в делах,
Как говорит моя подруга?

Каскадом косточек легла
На землю черная черешня.
Вопрос ответа безуспешней —
Банальное «ну, как дела?».

1998, 2015

* * *

Горстка горя стала горькой горкой,
Торная тропа — трясиной топкой,
Листьев шестипалых перебранка —
Лезвием ледянки-лихоманки.

Черен вечер, но необоримо
Непокорен век от покоренья Крыма,
И колючками окостеневшей соли
Занедужил снег, не выпавший на волю.

Июнь — сентябрь 2014

Полет

Полет по заоконью от небес
Вплоть до подснежного испуга
Теплой плоти
Хотелось бы продлить.
Но времени в обрез,
И я — наперерез
Прощальной ноте!
Беспамятье о смерти не унять.
Конец стекла
Исполнен укоризны,
А кто-то слепо следует опять
По линии непроходящей жизни.

29 февраля 2004

Другие стихи

* * *

первое. десять шестнадцать. суббота.
из переулка время волной
хлынуло и унесло в неизвестность
печального змея на проводах.

улыбка ребенка, улыбка собаки
у онемевших опор моста —
и чья-то душа уронила перья
на зачерствелый вчерашний снег.

Декабрь 2016

* * *

седой прядильщице в цеху земных щедрот
объявлен строгий выговор в приказе
за роковой обрыв шершавой нити,
ниспровергающий героя и царя.

земля к земле, и к пеплу серый прах:
до срока колесован он фортуной.
смеется старая и, зря не тратя время,
чехвостит нить отдавшего приказ.

27 января 2017

1

на вопрос «как зовут?» отвечаешь:
Алина, NN,
Неизвестная с облаком,
гостья из прошлого,
рыбная косточка,
антикварная ваза,
забытый на стуле берет,
переулок три звездочки,
память, изнанка, испарина.

на вопрос «кем будешь?» отвечаешь:
безделкой, святой, медсестрой,
пьяной вишней, бессмыслицей,
смертью, ступенькой, проекцией,
перекрестьем забот, неудачей,
оскоминой, Женщиной
не французского, не лейтенанта,
другой, никакой,
неопознанной жертвой
вопросов, вопросов, вопросов...

20 мая 2016

2

лепет ладоней на ласковом теле.
привкус опилок, придурь свирели.
неотвратимость ответа и цели.
необратимость последней недели.
блик на балясине. пепел на гжели.
позы у поезда. губы немели
лодочным промельком около мели:
не возвратится. грачи улетели.

2 марта 2016

3

из тебя прорастает осколок чужого ребра,
сантиметрами плоти оплотом тебе — метро,
утлый плотик надежды на поручни и пустоту —
непорочной порукою прочности (не)бытия.
пешеход рассыпает щепотки шагов наверх,
устремляется к ужину в устье минувшего дня.
от бессонной усталости учишь увечную роль,
но ее не сыграет на спор перевертыш-перрон.

4 марта 2016

4

23 с четвертинкой. плюс восемь. замешан ли месяц
в церемонии самоубийства дорог и мостов?
бесполезность сущего. невыразимость мысли
о бессмыслице смысла и поиске бренных основ.
вопросительный знак истекает испариной, метит
неизведанность тела. неизбежность его забот.
определяет собой обоснованность подлинной смерти.
прерывает. преследует. простирает. зовет.

10 февраля 2016

5

ты забываешь запах воскресенья,
чужой руки, открытого окна,
своих сороковин дурную дату
и сны, досмотренные до звонка.

за немотой стены надежно скрыто
рассветное молчание ягнят.
как сладко спится накануне смерти,
в расселине секунды до конца.

27 сентября 2016

Entre chien et loup[1]

1

в собачьих сумерках последнего столетья,
у горизонта века или дня —
удушье ушлых фраз о неизменной пользе
колючей проволоки. но оглянись вокруг:

ты на земле, где только тени мертвых,
таких необратимо молодых,
где слишком поздно постучится вестник
и криком застревает каждый вдох.

15 декабря 2016, ночь

2

между собакой и кем-то в овечьей шкуре
наступает время, когда опасно дышать.
наступает час, когда в онемевший затылок
получает пулю последний живой солдат —
все враги убиты, но остались еще командиры,
ликвидаторы памяти о совместных боях.

и наступит минута бескрыло трубящей славы,
как молчание тех, кто за нами чеканит шаг.

21 марта 2017

[1] В сумерках, букв.: между собакой и волком (*фр.*).

Discours des fleurs[2]

Peut-être demain la petite fleur qui va naître
Vous racontera mon chagrin
Cali. C'est quand le bonheur?[3]

L'aventure s'arrête ici
Merci de m'avoir toujours suivi
Stephan Eicher. Disparaître[4]

Левкой
Что таит в себе Ваш томный взор?

Роза
Чтобы понять, нужно иметь чуткое сердце.

Гелиотроп
Немое сердце не может быть услышано.

Роза
Чем сердце успокоится?

Гелиотроп
Радость — Страданье одно!

[2] Разговор цветов (*фр.*). Отсылка к названию песни Жоржа Брассенса.
[3] Быть может, бутон, что распустится завтра, / Поведает вам о страданьи моем. Кали, «Когда же будет счастье?» (*фр.*).
[4] На этом приключению конец, / Благодарю за долгий путь совместный. Стефан Эшер, «Исчезнуть» (*фр.*).

Незабудка
В любви нет равенства: один принимает, другой отдает, один властвует, другой покоряется, один внушает страсть, другой от нее страдает.

Левкой
О, как я страдаю!

Роза
Что мне до того?

Незабудка
Счастье — страдать для любимого человека.

Левкой
Могу ли я надеяться?

Гелиотроп
Надежда суть опасное проявление склонности к иллюзиям, оказывающее разрушительное воздействие на субъекта и общество.

Мак
Когда надежды поют, как трубы...

Роза
Вы, сударь, герой не моего романа.

Мак
Ах, вопросы нам жить не мешали, ответы мешают.

Левкой
Я Вас люблю любовью брата и, может быть, еще нежней.

Незабудка
Сладко мне твоей сестрою, милый рыцарь, быть, но любовию иною не могу любить.

Ландыш
Это облегчит боль, причиняемую иллюзиями.

Левкой
Возобновленная рана много хуже против новой.

Роза
Что мне до Ваших страданий?

Левкой
Все говорит, что надо нам расстаться,

Что счастье было и прошло.

Роза
Чем дальше в лес, тем больше дров.

Незабудка
От жалости до любви недалеко.

Левкой
О, любовь
Жестокая! о любящая злоба!
Из ничего создавшееся нечто!

Роза
Так ли Вы влюблены, как говорите?

Левкой
Безумно, беспредельно!

Гелиотроп
Вы изволили читать «Гамбургскую драматургию»
Лессинга?

Левкой
Нельзя ли пояснить?

Гелиотроп
Благоразумие никогда не мешает,
а в особенности в женитьбе, когда человек,
перестав быть холостым, начинает новую жизнь.

Роза
C'est que femme veut, Dieu le veut![5]

Левкой
Ваше непостоянство будет причиной несчастья.

Роза
За миг блаженства — век страданья.

Левкой
Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей!

[5] Чего хочет женщина, того хочет Бог *(фр.)*.

Мак
Мы сами себе сочиняем и песни, и судьбы,
и горе тому, кто одернет не вовремя нас.

Левкой
О, жизнь без завтрашнего дня! Ловлю измену
в каждом слове.

Роза
Страсть прежняя внезапно охладела, и новая ее
сменила страсть.

Гелиотроп
Женскому сердцу надобно разнообразие.

Левкой
О горе, я пленен изменницей, колдуньей
и кокеткой.

Незабудка
Что в имени? Как розу ни зови —
В ней аромат останется все тот же.

Левкой
Я прав, и этого довольно. Оставляю поле битвы
тому, кто тешит себя иллюзией.

Гелиотроп
Женское сердце не терпит пустоты. Закрывая
за собой дверь, ты открываешь для соперника
окно.

Левкой
Злые языки страшнее пистолета.

Незабудка
Любви вы ищете, глубокой, сильной, страстной.
Она пред вами здесь в груди моей.

Левкой
Toujours, toujours trop tard![6]

Роза
Бери меня, я вся твоя.

Левкой
С огнем шутить опасно.

Незабудка
Помолись, милый друг, за меня.

Левкой
Вы не должны сокрушаться, что брак между
нами не состоится.

Мак
Плывет неутомимый наш ковчег, волнуемый
лишь смертью и любовью.

Левкой
Более храбрости требуется для жизни, нежели
для смерти.

[6] Всегда, всегда слишком поздно! (*фр.*).

Гелиотроп
Покойный был беспокойного нрава.

Осторожно вскройте конверт, стараясь не повредить
защитный клапан. Взрывоопасно! Хранить в местах,
недоступных для детей и домашних животных.

Game over[7].

20–23 февраля 2017

[7] Игра окончена (*англ.*).

* * *

я знаю время смерти по часам,
круговорот которых за неделю
смешает слово, ветер, вещь и прах —
от первого ответа до вопроса.

я знаю время жизни наяву
с улыбкой боли на лице из глины:
влюбленные безвинно входят в рай,
а дьявол поджидает их за дверью.

9 апреля 2017, ночь

* * *

расплавится столикий липкий мед,
коричным яблочком покатится седмица,
за чередою праздничных забот
придет черед на площади казниться.

21 апреля 2017

* * *

учусь пережидать рассвет,
как дети прерванную сказку,
покуда не сойдет на нет
желание узнать развязку.
романный эпилог суров,
он разметает наши тени
прощальным шепотом шагов
по стертым клавишам ступеней.

2 сентября 2017

Winterreise[8]

1

воронья тропка. рваные следы
по краю неба до земли без края.
за суетой предгрозового грая —
непререкаемые приступы воды.

лепечут лепестки. напрасный спор:
гремучих градин белое на белом.
какой огонь сожжет и звук, и тело
за зимний путь, ведущий к nevermore?

3 июня 2017, ночь

2

руки, тронувшие небо,
где и прежде счастлив не был.
руки, помнящие смерть.
черно-белая дорога.
подожди меня немного,
чтобы вместе улететь!

но один и ни за грош —
ты по краешку идешь.

16 июня 2017

[8] Зимний путь *(нем.)*.

3

под зимним ливнем век протянется неделя,
вода, как наяву, сотрет и снег, и след.
к утру, не помня сна, ты сядешь на постели.
испарина стекла не пропускает свет.

в ударах дождевых акаций и сирени —
прижми ладонь к окну — еще слышны
мои шаги по клавишам ступеней,
схожденье в рай последней тишины.

26 июня 2017

4

вослед моим следам, как талая вода,
ползет беда.
пророщена ступенек вереница
изо льда.

и в этом холоде, и в этой немоте
бреду к тебе —
туда, где только тень двоится
на воде.

23 ноября 2016

5

сломанная ветка,
словно дверца клетки —
ключ заброшен метко.

как необратимо
звук проходит мимо,
наши перепутья несводимы.

где твой след на белом,
я запнусь о тело
ветки перебитой, омертвелой.

30 июня 2017

6

твоя дорога по жесткому снегу —
за тем, кто однажды уже допел,
кто был излишне склонен к побегу
от райского сада и прочих дел.
платить осталось совсем немного
за каждый прожитый день и век:
шагами размечена от порога
твоя дорога под жесткий снег.

29 июня 2017, ночь

* * *

мое забытое лицо человека 70-х годов,
пережившего все мировые войны и революции, —
на удаленном фото начала других нулевых,
навсегда зажатое рамкой металлоискателя,
на экране, включенном в режиме «случайный повтор»
новостного канала без рейтинга, звука и времени,
на последних витках голубого миньона — небес,
где мой голос свободен от прежнего тела и имени:

«помолчим. слова убьют друг друга,
прикоснувшись к тайне тишины».

1–5 *августа* 2017

From Persephone <hades@gmail.com>
to Orpheus <orpheus@yandex.ru>,
7.09.2017, 12:08

именем Б-га, сокрытым во всех языках,
острыми звездами битых зеркальных осколков,
мудрым безмолвием знойной июльской травы
и мимолетной, как вечность, улыбкой ребенка,

частью и целым с его непроросшим ростком,
мукой бездействия, мерой пустых сожалений,
каждым забытым убитым тебя заклинаю, Орфей:
уводи без оглядки отсюда свою Эвридику.

8 *сентября* 2017

Содержание

Ольга Гримова. Предисловие 5

Десятый сон

«Из снега вырезанный след...» 15
«Я низвергаюсь в предлюбовный сон...» 16
«Ты мне приснился. Странная ошибка!..» 17
Ангел («Не часто Ангел, растопырив крылья...») 18
«Мой домик из картона и фольги...» 19
«Как глупо было бы искать...» 20
Без
1. «Безденежье...» 21
2. P. S. 22
«Нет, не старайся по-пустому...» 23
Ангел (2, «Я веки прикрываю, словно дверцы...») 24
Ссора 25
«Я — только тень твоей любви к другой...» 26
Осень 27
Кто знает 28
Автору 29
«Вот на ладони капелька любви...» 30
Сон (1, «Бумага рвется. Клочками становятся...») 31
«Послушай, под моим окном фонарь...» 32
«Пронизана — аж до крушенья плеч...» 33
«Десятый сон я проспала...» 34
Про тебя 35
«От путаницы вен...» 36
Прогулка 37
Натюрморт 38
«Беспричинные слезы. Попробуй найти предлог...» 39

«Вторник. Чивита-Веккья.
Октябрьская-кольцевая...» 40
Ангел (3, Пасхальное) 41
«Дикобразообразное утро...» 42
Ты забываешь 43
Зарисовка 44
Загадка 45
«Больше нет никакого «ты». Никаких идей...» 46
Перечитываю «Игру в бисер» 47
«Посиди со мной на подоконнике...» 48
Из «Неотправленных писем в Йокогаму» 49

Полет по заоконью

«...И тогда ты захочешь...» 53
«Меня качаешь, будто маятник...» 54
«Трещина на стекле и во мне. В сердцевине
сути...» 55
«Вокруг меня только шторы, потолок и стены...» 56
«Ставишь будильник на чайное утро
пополудни...» 57
«Вдруг понимаешь, что уже сырой рассвет» 58
«Прошу, меня не искушай...» 59
Ты 60
Окно 61
«Помпеянкой в пеплуме из пепла...» 62
Ты говоришь 63
Сон (2, «Мне снилась бесплодная осень,
бессонница...») 64
«Свернуты трубочкой дни и слова...» 65
«Мне не прощают беспричинных снов...» 66
«Змеится занавеска. Звездопад...» 67
«Ты спросишь, как дела. Ну что ж...» 68
«Горстка горя стала горькой горкой...» 69
Полет 70

Другие стихи

«первое. десять шестнадцать. суббота...» 75
«седой прядильщице в цеху земных щедрот...» 76
другие стихи
1. «на вопрос «как зовут?» отвечаешь...» 77
2. «лепет ладоней на ласковом теле...» 78
3. «из тебя прорастает осколок чужого ребра...» .. 78
4. «23 с четвертинкой. плюс восемь.
замешан ли месяц...» 79
5. «ты забываешь запах воскресенья...» 79
Entre chien et loup
1. «в собачьих сумерках последнего
столетья...» 80
2. «между собакой и кем-то в овечьей
шкуре...» 80
Discours des fleurs 81
«я знаю время смерти по часам...» 88
«расплавится столикий липкий мед...» 89
«учусь пережидать рассвет...» 90
Winterreise
1. «воронья тропка. рваные следы...» 91
2. «руки, тронувшие небо...» 91
3. «под зимним ливнем век протянется
неделя...» 92
4. «вослед моим следам, как талая вода...» 92
5. «сломанная ветка...» 93
6. «твоя дорога по жесткому снегу...» 93
«мое забытое лицо человека 70-х годов...» 94
From Persephone <hades@gmail.com>
to Orpheus <orpheus@yandex.ru>, 7.09.2017, 12:08
(«именем Б-га, сокрытым во всех языках...») 95

Литературно-художественное издание

12+

Ольга Федунина

Десятый сон
и другие стихи

Иллюстратор *Ульяна Константинова*
Выпускающий редактор *Виктория Сайфутдинова*

Подписано в печать 11.12.2017. Формат 84 × 108/32.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 5,25.
Тираж 120 экз. Заказ № 08/12-1.